

Унылая субстанция и доставляющие лулзы «Теория Большого взрыва» и культура исследовательского университета

Виталий Куренной

Виталий Куренной. Кандидат философских наук, доцент, заведующий отделением культурологии Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики. Адрес: Москва, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, каб. 312. E-mail: kurennoj@yandex.ru.

Ключевые слова: сериалы, «Теория Большого взрыва», моральный кодекс университета, университетская культура шуток, несоизмеримость языковых каркасов.

В статье проанализированы три вопроса. Во-первых, каким образом в сериале «Теория Большого взрыва» моделируется культура исследовательского университета, основанная на моральном кодексе Калифорнийского технологического института. Во-вторых, рассмотрено значение культуры шуток и насмешек, являющаяся составной частью традиций американского исследовательского университета — в сравнении с культурными традициями российских университетов. В-третьих, показано, что один из главных приемов построения комических ситуаций в сериале построен на обыгрывании проблемы несоизмеримости концептуальных каркасов — повседневного языка и языка науки.

THE DURP SUBSTANCE AND DELIVERING LULZES. 'THE BIG BANG THEORY' AND A CULTURE OF RESEARCH UNIVERSITY

VITALY KURENNOY. PhD, Associate Professor, Head of the School of Cultural Studies of National Research University—Higher School of Economics. Address: Room 312, 8/2 Maly Tryokhsvyatitelsky Pereulok, 109028 Moscow, Russia. E-mail: kurennoj@yandex.ru.

Keywords: TV series, 'The Big Bang Theory', honor code of university, prank culture of university, incompatibility of frameworks.

The article analyses three issues. Firstly, how the culture of research universities in the series 'The Big Bang Theory' is designed based on the Honor Code Handbook of the California Institute of Technology. Secondly, the author observes the culture of pranks and jokes as an element of the tradition of American research universities—in comparison to cultural traditions of Russian universities. Third, he demonstrates, that one of the main patterns of constructing comic situations in the series is explaining the incommensurability of conceptual frameworks—he common language and the language of science.

ЕРИАЛ «Теория Большого взрыва» (далее — ТБВ) принадлежит к жанру ситкомов и, конечно, рассчитан прежде всего на молодежную аудиторию. Значительный его пласт составляют истории личных взаимоотношений молодых людей, носящих вполне универсальный характер и ничем не примечательных. Как и всякий крепко сделанный сериал, увязанный с определенной формой жизни (в данном случае — американского университетского и научного сообщества), он содержит массу специальных, частных сюжетов, каждый из которых заслуживал бы отдельного комментария. Будучи сериалом о молодых ученых, ТБВ, впрочем, лишь имитирует детали научной жизни и, конечно, никоим образом не является их отображением, претендующим на какой бы то ни было реализм. И все же фильм интересен — по крайней мере для меня — как манифестация особой культуры исследовательского университета. Она также передана условным образом, с преувеличениями и гиперболоми, соответствующими избранному жанру, но в целом сериал дает о ней релевантное представление. Это идеализированная, но весьма вдохновляющая модель, в которой прочитываются ее реальные основания: нормы и традиции одного из ведущих американских исследовательских университетов — Калифорнийского технологического института (Калтеха), который и является местом работы четверки героев сериала — Шелдона, Леонарда, Говарда и Раджа.

Сериал ТБВ¹ поучительно сравнить с российским аналогом — «Универом», также претендующим на моделирование универси-

1. Идея ТБВ была быстро клонирована — в Белоруссии выпустили четыре серии фильма «Теоретики». Создатель ТБВ Чак Лорри в этой связи опубликовал

тетской жизни (по отдельным видам университетских зданий можно заключить, что речь в нем идет об РГГУ). Конечно, нет большого резона сопоставлять сложные и многоуровневые конструкции американских сериалов с довольно плоскими изделиями современного российского телепроизводства. Российский сериал представляет собой смесь сюжетов, основанных исключительно на теме личных взаимоотношений героев и анекдотах про олигархов из 1990-х, тогда как на научно-популярную тематику, исследовательскую культуру университета и т. п. там нет и намека. Что ж, какие университеты, такие и сериалы: одни доставляют, другие — унылые.

КОДЕКС ЧЕСТИ

Одна из очевидных, бросающихся вещей в ТБВ — странноватый тип поведения Шелдона, обладателя самого высокого IQ в четверке друзей². Шелдон ведет себя высокомерно, подчеркивая свое интеллектуальное превосходство не только над друзьями. Он постоянно делает различные выпады в адрес как коллег по университету, так и своих непосредственных руководителей, нередко прямо рискуя карьерой, когда ставит под сомнение их научную состоятельность. Для Шелдона, как и для появившейся у него в конечном счете подруги — биолога Эми Фара Фаулер, — важное значение имеет формальный научный статус: единственному среди компании друзей магистру, но не доктору Говарду они об этом регулярно напоминают. В то же время Шелдон, когда обнаруживается его научная несостоятельность, с готовностью ее признает. Так происходит, когда оказывается, что его коллега по работе Барри Крипке продвинулся в разработке сходной темы дальше, чем он сам (6-й сезон): «Я думал, что

на своем сайте юмористическое обращение, начинающееся словами: «Беларусь — небольшая, не имеющая выхода к морю страна, расположенная рядом с Россией, Украиной, Латвией, Литвой и Польшей. Согласно Википедии, одним из основных экспортных товаров Беларуси являются побочные продукты скотоводства. Вопрос напрашивается сам собой — что же это за скот такой, который годится только на обойный клей и фетровые шляпы? Но в Беларуси, кроме того, есть и телевизионная индустрия...» — и заканчивающееся предложением выслать ему в качестве компенсации партию фетровых шляп (цитирую по статье о ТБВ в русской Википедии). На деле этот факт плагиата имеет прямое отношение к теме университетской культуры, о которой пойдет речь ниже.

2. Напомню, что доктор Шелдон Купер — физик-теоретик, доктор Леонард Хофстедтер — физик-экспериментатор, доктор Раджеш Кутраппали — астрофизик, магистр Говард Воловиц — инженер, специализирующей на космической технике.

самый умный сын у моей мамули, а оказывается — у мамули Крипке». Таким образом, здесь можно зафиксировать по крайней мере две черты моделируемой в сериале университетской среды: 1) административные должности и разного рода личные отношения не имеют значения в системе внутренней научно-исследовательской иерархии; 2) научные степени являются реальным показателем интеллектуальной и научной состоятельности исследователя, то есть основаны на честных достижениях их носителей. Можно заметить, что на фоне множества других раздражающих странностей и откровенного занудства в поведении Шелдона эти нормы его поведения никто из друзей и коллег никогда не оспаривает и не критикует.

В основе специфической культуры поведения Шелдона, принимаемой его друзьями и коллегами по работе, лежит определенная норма. Ее фиксирует принцип «Кодекса чести» Калифорнийского технологического института, состоящего из одного-единственного положения³. Приведем его в контексте философского разъяснения к нему, содержащегося в соответствующем документе университета:

Система представлений о чести воплощает в себе наше взаимное доверие и уважение. Она делает Калтех замечательным и приятным местом для работы и жизни, потому что предоставляет каждому, кто входит в его сообщество, доверие и свободу, основанные на честности. Для защиты нашего сообщества нам требуется лишь одно-единственное руководство как таковое: *«Ни один член сообщества Калтеха не признает нечестного преимущества (unfair advantage) другого члена сообщества Калтеха»*. В силу своего характера этот принцип должен применяться в отношении всего сообщества и повсеместно в самом сообществе. Он не ограничивается взаимодействиями чисто академического характера между студентами и преподавателями, но распространяется также на неакадемические отношения между входящими в сообщество студентами⁴.

Из этого единственного положения кодекса чести Калтеха следует множество выводов, исходя из которых можно понять некоторые характерные черты поведения героев сериала. Во-первых, кодекс чести не отрицает превосходства одних членов сооб-

3. Это впечатляет на фоне как известных мне в России попыток составления аналогичных документов, так и множества других, иногда весьма поучительных примеров. Например, «Этический кодекс» печально известной компании «Энрон» состоял из пяти страниц убогистого текста и считался в свое время одним из лучших документов такого рода.
4. Honor Code Handbook: California Institute of Technology. May 2011 Revision. URL: <http://www.deans.caltech.edu/HonorCode>.

щества над другими, но запрещает преимущество, основанное на нечестности. Перед нами вполне меритократический принцип, основанный на честном соревновании, то есть состязании по гамбургскому счету. Поэтому поведение Шелдона — в той мере, в какой оно соответствует фундаментальному принципу «Кодекса чести» университета, — является вполне допустимым. Амбиции, связанные с Нобелевской премией, кстати, также во все не являются шуткой в устах Шелдона, поскольку 31 преподаватель и выпускник университета — ее лауреаты.

Разумеется, в силу того что собственно научные достижения героев в популярном сериале могут быть предъявлены лишь косвенно, нам приходится полагаться на символические свидетельства собственно научно-исследовательских достижений Шелдона. (Но и их достаточно. Например, только у Шелдона бывают научные ассистенты, несмотря на его предельно скверный тип поведения в отношении руководства.) Зато в сериале обильно представлена внеакадемическая культура соперничества — это разнообразные игры, которым с азартом предаются герои, что как раз и служит основным маркером состязательности — ключевого механизма выстраивания меритократической иерархии. В то же время любой намек на несправедливость преимущества вызывает немедленную реакцию. Когда журнал *People* включает Раджа в список 30 ведущих ученых до 30 лет, Шелдон начинает допытывать его вопросами о том, есть ли в этом журнале механизм *peer review* и почему это именно Радж удостоился такой чести. «Меня выбрали люди, — отвечает Радж. — The people from People».

Индивидуалистический меритократизм не исключает, однако, научного коммунитаризма: университетская культура Калтехе выстроена таким образом, чтобы формировать способность к тесному взаимодействию членов сообщества. Что касается студентов⁵, то для них совместная работа над домашними заданиями не просто не исключается, но приветствуется и часто является необходимым условием их выполнения. В сериале мы нередко видим, как друзья совместно решают задачи или пытаются вмешаться в работу друг друга, что как раз и свидетельствует о наличии культуры совместной работы (непрерывного условия коллективной исследовательской и проектной работы как таковой).

5. В Калтехе учащихся совсем мало — всего около 900 студентов и 1200 аспирантов. Это прежде всего исследовательский институт, отсюда и постоянные шуточки Шелдона насчет перспектив Леонарда заняться преподаванием, расцениваемых как поражение и прекращение научной карьеры.

Неотъемлемый аспект того же принципа — честность формальных достижений. Иными словами, научная степень здесь — значимый и бесспорный показатель (тут, как мы знаем, особенно трудно приходится Говарду). Объективность этого показателя даже не приходит в голову поставить под сомнение в рамках культуры исследовательского университета. Она целиком и полностью основана на безусловном исключении какого бы то ни было плагиата или присвоения чужих достижений. Эта норма является настолько фундаментальной, что в реальном Калтехе, к примеру, фактически отсутствует внешний экзаменационный контроль — студенты сдают экзамены попросту дома или где им заблагорассудится. Подобная свобода основана на высочайшем уровне ответственности и доверия внутри сообщества университета.

В сериале мы часто видим, что друзья бывают в университете по ночам — Шелдон некоторое время там просто живет. Университетское пространство здесь обладает необычайной открытостью, которую трудно даже просто вообразить себе в российских условиях. Но и на фоне западных университетов Калтех является во многих отношениях выдающимся заведением — доступ к библиотекам и лабораториям здесь открыт круглосуточно. В сериале этот момент часто подается иронично — через различные злоупотребления Говарда, который не прочь воспользоваться доступом в лабораторию в попытке завоевать расположение новой знакомой или же позаимствовать на время какое-нибудь оборудование (на самом деле комментарий к основному принципу кодекса чести Калтеха весьма ясно определяет правила и границы пользования библиотекой, лабораториями, ключами от помещений и т. п.). Однако вполне очевидно, что подобный режим доступа в университет формирует совершенно иной тип сообщества и индивида, новое качество интенсивности образовательной и научной деятельности, понимания меры свободы, ответственности, лояльности своему университету и т. д.

ШУТКИ И ВЫХОДКИ

Комедийный жанр в случае ТБВ имеет особую мотивацию, которая далеко не всегда для него характерна, причем именно эту мотивацию, пожалуй, труднее всего уловить, будучи погруженным в контекст российской университетской жизни. Дело в том, что последняя являет собой весьма унылое зрелище. Здесь нет многовековых бурсаческих традиций, отличающих старые университеты Европы, где обряд студенческой инициации включает всякие чудачества — купание голышом в фонтане или же кражу

шлема полицейского. В Новом Свете их также, конечно, не было, но именно поэтому их там специально — с большой любовью и тщанием — создавали, поддерживали и развивали. Калтех — как раз прекрасный тому пример. Университет гордится своей традицией *practical jokes and pranks*: здесь ценят традиционные выходки и приветствуют новые. Самой известной традицией Калтеха является так называемый «эксперимент сброса тыквы Милликена»: замороженную в жидком азоте тыкву на Хэллоуин сбрасывают с самого высокого здания университета — библиотеки имени Роберта Милликена (одного из основателей университета). Согласно легенде, в результате падения тыквы должны посыпаться искры, имеющие трибололюминесцентную природу. Однако, хоть явление и собирает ежегодно массу наблюдателей, достоверно зафиксировать этот эффект пока не удавалось.

В этом отношении весь сериал — практически перманентная иллюстрация именно юмористического аспекта культуры Калтеха. Российские университеты в этом отношении тяготеют в лучшем случае к разного рода унылым ритуалам, причем без ясного понимания их исторического смысла. Мероприятия вроде КВНов я даже не стану здесь комментировать, но в российских университетах, к примеру, любят вырядить выпускников в мантии и шапочки. Желающим причаститься благородной церемониальной традиции следовало бы, впрочем, знать, что эти атрибуты сформировались в период упадка университета, длившегося с XIV века, когда он окончательно закоснел в «цеховщине» и постарался обзавестись, как и положено всякой добротной средневековой корпорации, разными символическими знаками отличия. Эти символы и атрибуты — грустный символ эпохи упадка и деградации университета, когда он превращается в излюбленный объект насмешек и сатиры. В этом смысле эксперименты Говарда по части моды и авангардистские маечки Шелдона — более адекватный символ свободного университетского духа, чем нарочитые цеховые дресс-коды.

Конечно, в российских университетах тоже есть различные традиции, но существуют они, как правило, в теневой зоне общежитий и студенческих компаний, плохо известны, неустойчивы и стремительно исчезают по мере смены поколений студентов. В Калтехе на культуру шуток не накладывается вообще никаких ограничений, кроме, конечно, вреда людям и имуществу (в сериале, разумеется, это правило выдерживается далеко не всегда). Ряд традиционных калтеховских сюжетов, впрочем, легко опознается. Например, Говарда друзья регулярно подкалывают тем, что он выпускник Массачусетского технологического института. А это как раз стандартная тема выходок в Калтехе: MIT — его главный и постоянный конкурент за ста-

тус ведущего физического и инженерного университета страны, так что они постоянно соревнуются в дурацких шутках. Одним из самых известных является случай, когда ребята из Калтеха подменили карточки болельщиков на матче по бейсболу, в результате чего те построились в огромную надпись «Калтех», на которую все могли любоваться по телевизору. Совсем недавно, в 2009 году, один из корпусов MIT студенты из Калифорнии объявили проданным и повесили на нем баннер: «Добро пожаловать в восточное отделение Калтеха: Школа гуманитарных наук». Остроту последней шутки оценит всякий зритель ТВВ, в одном из эпизодов которого один лишь намек на то, что деньги спонсоров могут попасть не физикам, а гуманитариям, заставляет Шелдона переменить решение и отправиться на встречу с донорами университета. (Гуманитарии — это, конечно, еще один мощный пласт университетских шуточек в Калифорнийском технологическом.)

ПЕННИ И ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ КАРКАСОВ

Описанные детали университетской культуры, разумеется, не являются далеко исчерпывающими. В сериале, например, детально отражен пласт американской научно-популярной культуры, выступающий важнейшим стимулом для привлечения молодежи в науку, не говоря о том, что сам сериал служит замечательным примером подобного научно-популярного продукта. Отечественные примеры массовой популяризации научно-исследовательского образа жизни имели место разве что в советский период — чего-то аналогичного повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» у нас давным-давно не появлялось. Здесь же мы видим, какой мощный пласт игровой и научно-фантастической культуры задействован для стимулирования интереса к науке — комиксы и связанная с ними субкультура, компьютерные игры, фильмы, сериалы, встречи с учеными и т. д. Но углубляться в эту тему — значит проигнорировать один из узловых моментов построения сериала ТВВ, связанный с Пенни.

Столкновение замкнутого сообщества молодых ученых с официанткой и ее миром является одним из основных конструктивных элементов сериала. Однако в его основе лежит вполне серьезная философская проблема — несовпадение объективированного языка современного научного и экспертного сообщества с миром и языком повседневности. Собственно, конфликт этих двух языков является одним из главных

художественных приемов создания комического в сериале — та же коллизия воспроизводится, например, в отношениях Леонарда со своей матерью, в различии мира игровых субкультур и «реальной» жизни, в гипертрофированной страсти Шелдона к формализации, нормированию и объективации социального взаимодействия и т. п. Здесь мы непосредственно сталкиваемся с одной из стандартных проблем современной философии и культурологии — соизмеримости языковых каркасов и возможности перевода и взаимопонимания между носителями принципиально различных языков. Эта проблема является весьма серьезной, если не драматической, для положения в том числе все более специализированной науки в современном обществе. Различные инсценируемые в сериале варианты ее решения заслуживали бы, конечно, отдельного подробного рассмотрения, от которого я вынужден здесь воздержаться. Замечу только, что фильм представляет собой нетривиальный пример моделирования различных возможных стратегий такого решения, обыгранных весьма оптимистическим образом. По сути, ТВВ предлагает утопию гармонизации разрывов между различными языковыми универсумами, тогда как сам сериал представляет собой, в терминах Эдмунда Гуссерля, подспорье для феноменологического «варьирования в фантазии» границ и способов решения этой проблемы. Обратившимся к этому его аспекту поклонникам сериал обещает еще большее удовольствие!

REFERENCES

Honor Code Handbook: California Institute of Technology, May 2011 Revision. Available at: <http://www.deans.caltech.edu/HonorCode>.